

ПИСЬМО, ДНЕВНИК, АВТОБИОГРАФИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И СОПРЯЖЕНИЕ СМЫСЛОВ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Андрей Алексеев
ведущий научный сотрудник Социологического института РАН
кандидат философских наук
e-mail: alexeev34@yandex.ru

Автору хотелось бы представить читателю как единый цикл тезисы шести докладов, произнесенных на различных научных конференциях в период с 1998 по 2007 г. Первые четыре текста публиковались ранее. Последние два публикуются впервые.

Вот названия докладов:

- (1) *Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) (1998);*
- (2) *Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации (1999);*
- (3) *Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования (2000);*
- (4) *Что такое и зачем нужны «протоколы жизни» (2003);*
- (5) *Многообразие писем и полифункциональность письма (2007);*
- (6) *Эстафета памяти — 2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований (2007)*

(1)

Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса)¹

1. «Фамильная ценность» — термин, пока не обретший научного статуса в науках о человеке. В это понятие мы вкладываем ту составляющую материально-духовной среды или экологии человека, которая позволяет личности идентифицировать себя в качестве представителя определенного рода (родов) и звена в цепи семейных поколений. Принципиальное значение здесь имеет именно осмысление, осознание соответствующих материальных или информационных объектов в качестве фамильной ценности, т.е. наличие ценностного отношения личности к ним.

2. Существенным для понимания специфики феномена *фамильной ценности* является вычленение в ценностном сознании субъекта особой сферы или слоя — назовем это *семейной памятью*. Этот слой нередко оказывается весьма тонким (говоря попросту — «короткая семейная память»). Скажем, человек является обладателем вещи, доставшейся ему от предков, но не знает «истории» этой вещи. Или: человеку неизвестно, кто же из его старших родственников изображен на фотографии, хранящейся в семейном альбоме.

3. Личностное осознание субъективной значимости объектов-носителей фамильной ценности сплошь и рядом приходит к человеку достаточно поздно, когда старших уже нет в живых, и «спросить не у кого». Устные биографические рассказы родителей стираются в памяти детей, в свое время не придавших этому значения. Порой полученная младшими от старших информация трансформируется в «семейное предание» (не поддающееся проверке).

4. В последнее время усилился интерес к биографическим методам в социологических, культурологических, этнографических исследованиях. Мемуарный, «жизненный», документальный жанры становятся все более

популярными в литературе и публицистике. При этом делается упор на историко-культурной ценности соответствующих текстов. Хочется, однако, подчеркнуть экзистенциальную значимость фамильной ценности и семейной памяти для конкретных лиц, которые, при неразвитости интереса к своему происхождению, своим корням, часто оказываются в положении «Ивана, не помнящего родства».

5. Автору этих строк довелось консультировать составление ряда «семейных хроник». Их инициаторами были уже немолодые люди, осознавшие свою ответственность за сохранение памяти о своих предках для своих потомков. Это оказалось достаточно трудной задачей. Следует заметить, что работа эта оказалась бы куда более эффективной, если бы была предпринята составителями семейных хроник в более молодом возрасте.

6. Во всякой семейной хронике обычно представлены два пласта информации. Первый — «генеалогическое дерево» и хотя бы минимум информации о предках, которых пишущий хронике в живых уже не застал. Здесь он опирается на сохранившиеся документальные свидетельства и рассказы старших. Другой пласт — личные впечатления и воспоминания, относящиеся в первую очередь к собственным родителям. Здесь возникает особая проблема моральной ответственности за сохранение информации, которой располагает только данный индивид и которая исчезнет невосвратно, если не будет транслирована младшему поколению.

7. Заслуживает постановки вопрос о воспитании в младших поколениях не просто «уважения к старшим» и «заботы о стариках», а внимания к ним, в частности, как к носителям семейной памяти. В идеале, не старшие, а младшие должны быть инициаторами того, чтобы эта память не оказалась утраченной. Способы культивирования фамильной ценности могут быть самыми разнообразными (включая современные технические средства). Но общенные поколений должно включать ценностно мотивированный запрос младших на семейную память.

8. Представляется необходимой пропаганда сохранения личных архивов в семьях. Здесь не идет речь об архивах «выдающихся людей» (которые имеют шанс получить государственное хранение и т. п.). Не только фотографии, но и всевозможные документы, письма, иногда — дневники, любые письменные свидетельства, оставшиеся от покойных, заслуживают сбережения детьми, внуками. К сожалению, материальные ценности ныне наследуются куда охотнее, чем ценности, имеющие духовное значение. Отношение к последним часто оказывается варварским.

9. В заключение, отметим, что проблематика, обозначенная в настоящих тезисах, пока не стала предметом специального научного рассмотрения, в частности, в социологии и культурологии. Здесь необходимы и теоретические анализы и эмпирические исследования.

Как нам представляется, понятия *фамильной ценности* и *семейной памяти* поддаются операционализации в практике массовых опросов и систематических наблюдений. В целом, вырисовывается комплексная — культурно-историческая, гуманитарно-экологическая и междисциплинарная научная проблема.

(Февраль 1998)

¹ Тезисы доклада на межвузовской конференции «Экология социально-антропологических процессов» (г. Санкт-Петербург, март 1998). Впервые опубликованы в: Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб.: Институт биологии и психологии человека, СПбГУ, 1998.

(2)

Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации²

1. В структуре процесса человеческой коммуникации традиционно выделяются: субъект-источник коммуникации; содержание коммуникации; ее форма; ее средства (знаковые, технические, институциональные и др.); адрес (субъект, которому коммуникация адресована); эффекты. Коммуникация осуществляется в определенном контексте (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.). Если коммуникация является целевой (т. е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели). Различают личную (адресованную вполне определенному, персональному адресату) и массовую (адресованную анонимной аудитории) коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), монологическую и диалогическую коммуникации. Существуют и иные классификации процесса.

2. Здесь не станем углубляться в вопросы теории коммуникации и общения, где вышеуказанные понятия фигурируют в разных соотношениях и используются в построении разных социальных моделей. Сосредоточимся на индивидуальной коммуникации (т. е. такой, где субъектом-источником выступает индивид, личность, *лицо*) и, в частности, на фундаментальном различении ее возможных *адресов*.

Таковыми адресами могут быть: сам субъект-источник коммуникации (коммуникация самому себе); другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай *коммуникацией самому себе*, второй — *коммуникацией другому лицу* и третий — *коммуникацией для других*.

3. От этих общих определений перейдем к рассмотрению конкретики вербальной коммуникации личности, в частности, коммуникации, воплощенной в письменном тексте. Здесь для каждого потенциального адреса может быть усмотрен «классический» тип текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других).

4. Сначала некоторые «очевидные» черты и определения. *Дневник* по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно долго продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

5. *Письмо* — тоже лично и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а

также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым» и «бесцельным» (совершенно спонтанным); письмо *par excellence* — это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адреса: *другое лицо*.

6. *Статья* — наиболее условное из использованных нами выше обозначений «эталонных» типов текста. Ибо «коммуникация для других» может иметь множество ипостасей, среди которых, например, почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории*, иногда специфизированной, иногда массовой. В ней (статье) особенно ярко выражена целевая функция и по необходимости минимизирован личностный момент. Здесь не меньше разнообразие вариаций, чем в предыдущих родах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (в различных отношениях антиномичная — будь-то деловой, будь-то научной) есть тоже «коммуникация для других». Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобна именно «статья».

7. Является ли наша систематизация «адресов» человеческой коммуникации полной, их перечень (на данном уровне обобщения) — конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее формах коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

8. Нами выделены и обсуждаются три «формы» индивидуальной (субъект-источник), вербальной (знаковые средства), письменной (материальный носитель) коммуникации, принципиально различающиеся по своему адресу (себе; другому; другим), обозначенные (по избранным для нашей модели «эталонным» типам текстов) как *дневник*, *письмо* и *статья*. Более или менее понятна специфика этих категорий текстов. (Вышеприведенные характеристики далеко не являются исчерпывающими.) Но самым интересным и перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей, взаимопереходов и взаимодополнительности этих форм.

9. Можно предположить, что здесь имеем дело с *системной триадой* (в смысле Р. Баранцева),³ поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицию (дневник), эмоцию (письмо), рацию (статья). В таком случае, исследование соотносительности всех трех форм становится не узкопредметной, а философской, эпистемологической задачей.

10. И логически, и исторически письмо является, по-видимому, «праформой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано

2 Тезисы доклада на XII Люблинских чтениях (г. Ульяновск, апрель 1999). Впервые опубликованы в: XII Люблинские чтения (Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. Включено в состав книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003, с. 299-303.

3 См. Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования, Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989, и др. работы этого автора.

совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим, а в пределе — «ко всем, кто его прочитает», не сегодня, так в будущем. Вместе с тем, это также есть *само-выражение*, а стало быть — хотя бы в потенции — присутствуют и элементы самокоммуникации. Вообще, человек — существо общественное, и его обращение к себе невозможно без осознания себя как «одного из» себе подобных. Отсюда, кстати, приоритет диалога над монологом — не только «логически», но и «исторически» оправданный.

11. При ближайшем рассмотрении, не только в «письме» могут быть обнаружены элементы как «дневника», так и «статьи» (напомним про условность нашей терминологии!). Но и в любой из названных форм индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга.

По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Здесь не станем приводить известные примеры, которыми богата история культуры.

12. Особенно интересно совмещение «имманентных» черт всех трех форм индивидуальной коммуникации в конкретном тексте, иногда приобретающее достоинство синтеза. При этом обычно форма специфична, а содержание — универсально. Например, исповедальное открытое *письмо*, или *дневник*, который субъект не требует уничтожить после своей смерти, или *статья*, вроде «Дневника писателя» Ф. Достоевского. Вообще говоря, такие синтетические жанры особенно распространены и сознательно используются в художественной литературе, публицистике, философии. Однако и в обыденной дневниковой и эпистолярной практике можно встретить — будь-то синкретизм, будь-то синтез всех трех форм.

13. Наконец, существует опыт овладения механизмом такой взаимосвязи форм индивидуальной письменной коммуникации, когда, например, человек, пишущий *письмо* конкретному лицу, делает это также и «для себя» или/и отдает себе отчет в том, что его личностное послание может обрести также и других читателей. Или: человек пишет дневник или письмо, сознавая, что потом он «перепишет» это как статью. (Интересно, что невозможно обратное движение: лишнее подтверждение того, что «обращение к другим» вырастает на базе обращения к другому или к себе, а не наоборот.)

14. Нам известно немного примеров *сознательно-го* взаимодополнения и совмещения форм дневниковой, эпистолярной и «статейной» (научной и проч.) коммуникации. К таким примерам безусловно относится феномен А. А. Любищева (1890–1972), общекультурное значение которого еще далеко не полностью осмыслено, однако, благодаря усилиям его младших современников, имеет шанс стать одним из «услышанных» посланий человечеству в XXI век.

15. Автор настоящих тезисов полагает, что в теории индивидуальной письменной коммуникации — в намеченном здесь аспекте — пока еще непочатый край работы. Но стоит ли «дожидаться», пока такая теория будет построена, а затем станет достоянием социологических или психологических учебников? В дневниковом и эпистолярном наследии как «великих», так и «рядовых» людей (кстати, ставшем в последнее десятилетие предметом все возрастающего общественного внимания) нам видится как богатейшее поле для исследования, так и сокровищница коммуникативного опыта, черпать из которой — и «без учебника!» — может каждый.

(Апрель 1999)

(3)

Эстафета памяти.

Ресурсы, нормы и эффекты

автобиографического повествования⁴

Целью настоящих заметок является общая постановка вопроса о таком специфическом моменте повседневной жизни современного человека, который можно метафорически определить как *эстафета памяти*.

* * *

1. Порождение автобиографических повествований (нарративов), создание и накопление «историй жизни» и «семейных хроник», по нашему убеждению, есть задача не только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления *памяти* человечества — ее сохранения не «на скрижалях истории», а в мельчайших «капиллярах» и «клеточках», в самой толще социальной жизни.

Названная задача, в качестве таковой, далеко не вполне общественно осознана, во всяком случае — эта работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан.

Люди привыкли жить «сегодняшним днем», иногда они «планируют будущее», однако редко «оглядываются назад» и сплошь и рядом не осознают свой собственный *жизненный путь*, как некую культурную, духовную, социальную ценность.

2. Общая постановка вопроса: «человек — это прежде всего его собственная жизнь», в терминах еще «донаучных», содержится в одном из наших текстов 1983 г.⁵ Попытку концептуализации и обоснования категорий *фамильная ценность* и *семейная память* см. в нашей работе 1998 г.⁶

За последнее десятилетие научная работа по сбору и анализу «историй жизни» и «биографий семей» получила плодотворное развитие в ряде исследовательских центров Москвы, Киева, Санкт-Петербурга. (Здесь эти центры и их труды не перечисляем).

3. Автобиографическое повествование (АП) выступает одной из естественных форм презентации жизненного пути и «объективации» памяти, прежде всего — индивидуальной памяти, без которой не может быть и «памяти коллективной». К названному типу текстов примыкает жанр самостоятельных *семейных хроник* (СХ), где, с большей или меньшей степенью подробности, представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи, в их переплетении. В дальнейшем будем говорить в основном об автобиографическом повествовании, хотя все сказанное может быть отнесено и к семейной хронике (биографии семьи).

4. Рассмотрим сначала вопрос о ресурсах, или источниках АП. Здесь можно выделить три основные группы ресурсов «истории жизни»:

а) *личный* (соответственно — семейный) *архив*, в широком смысле, — включая всю совокупность докумен-

4 Тезисы доклада на международном семинаре «Жизненные повествования: методы и социокультурные реальности», происходившем в г. Киеве 30.11-1.12.2000. Впервые опубликованы в: XIII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2001. См также в: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, N 4; Мир России, 2000, N 4. Включено в состав книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб.: Норма, 2003, с. 471-477.

5 А. Н. Алексеев. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, с. 292-294.

6 А. Н. Алексеев. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб, 1998.

тальных материалов, «жизненных свидетельств», как личностных, интимных, так и официально-публичных, относящихся к данному индивиду (семье);

б) *живая память* ныне здравствующего человека («память о своей жизни, о своей семье»);

в) *память других* — о данном человеке или людях (ныне здравствующих или покойных); она может быть как «живой», так и документированной.

5. К разряду личностных документов относятся любые тексты, отражающие факты поведения и сознания данного, конкретного человека, причем отражающие их — иногда «специально», иногда (чаще) «попутно», т. е. без сознательной установки на фиксацию таковых фактов. К ценнейшим документам такого рода относятся: *дневники* (ныне — едва ли не культурный реликт!); *письма* (как собственные письма данного индивида, так и, пожалуй, в не меньшей мере, адресованные ему); *фотографии* и другие изобразительные материалы, а в последнее время также — любительские *аудио-* и *видеозаписи*.

Весьма информативным источником или ресурсом АП (СХ) являются также «официальные» документы, особенно — такие, где сама субъект жизни выступает автором (копии листов по учету кадров, «служебные» автобиографии, обращения в официальные органы и т.п.), но также и адресованные данному человеку или посвященные ему (от метрического свидетельства до профсоюзного билета или пенсионной книжки).

6. К сожалению, «рядовой человек», не осознающий историю собственной жизни и жизни тех, с кем он повседневно общается, как культурную ценность, плохо бережет эти «жизненные свидетельства». А отношение его потомков, наследников к этим «следам» прожитой жизни порой является просто варварским. В итоге, документированная память (личный архив) нередко оказывается еще менее долговечной, чем «живая».

7. Вообще, ресурсы АП — конечны. «Живая память» субъекта, разумеется, хранит впечатления, «воспоминания» (часто избыточные абберациями, связанными с последующими «напластованиями» жизненного опыта). Однако чем дальше во времени — тем меньше точность и достоверность биографической информации (если она не может быть подкреплена документами).

8. Здесь возникает проблема как личной ответственности человека за сохранение «себя» (в случае СХ — всех членов семьи) во времени, так и — особенно — *ответственности младших поколений* за сохранение памяти о старших. Дети еще кое-что помнят о своих родителях, а уж о родителях родителей (если не застали их в живых), а тем более о прадедах — не больше того, что написано на кладбищенском кресте (если хоть он цел).

Процесс «стирания» памяти в конечном счете неизбежен, но как правило (в частности, в нашем обществе, пережившем трагедию ее уничтожения) довольно слабо развита общекультурная установка на «торможение» этого энтропийного процесса.

Можно понять тех наших старших современников, которые в суете буден не оставили детям писаной истории своей жизни. (Или — намеренно «оберегли» своих детей от «опасной» информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов). Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации *о своих родителях*: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взята ее будет почти неоткуда.

Как видно, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники является также и *моральной* проблемой.

9. Конечно, работа ученых, записывающих «истории жизни», журналистов, проводящих «конкурсы биографий», вообще — всякие институциональные усилия запечатлеть уходящее время (эпоху) «в точке пересечения биографии и истории общества»⁷ имеют общекультурное значение. Однако остается проблема сохранения «памяти о жизни *каждого человека*. А это уже не может быть решено накоплением АП и СХ в исследовательских архивах и т.п., а только — развитием и распространением *культуры* создания таких «историй» и «хроник» в каждой семье.

Автобиографическое повествование (писаное самим субъектом жизни или записанное с его слов), равно как и семейная хроника, в принципе должны стать элементом нашего жизненного обихода, что, по-видимому, потребует специальной просветительной работы. Необходимо воспитание в людях — и культуры жизнеописания, как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и «культуры памяти» вообще, как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности.

Понятно, что такая социокультурная программа реализуется не скоро, но надо хотя бы ее сформулировать.

10. Обозначим некоторые *нормы* автобиографического повествования. Здесь выдвинем три «постулата», равно относящихся как к письменному, так и к устному АП:

а) Постулат *фиксации семейных корней*. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию — столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это — в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше.

(Для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план)

б) Постулат *внятности биографического текста*. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочтает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы в воспринимающем этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать).

(Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения).

в) Постулат *ценности «истории жизни»*. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал — он должен «убедить себя» или принять а priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть *востребована* не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Допустим, «заказчика» на АП (СХ) сегодня нет. Можно в таком случае посоветовать всякому, особенно — человеку в преклонном возрасте, поискать и своевременно назначить своего «душеприказчика» — такого, которому он может «оставить» писаную историю своей жизни (а тот — сохранить) или рассказать (а тот — запишет и т.д.). Также желателен выбор конкретного «душеприказчика»

7 З. Ч. Миллс. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

и для личного архива, даже — совсем небольшого. (И это вовсе не обязательно должен быть наследник имущества, материальных ценностей).

Вообще, АП и СХ являются интеллектуальной собственностью, заслуживающей «наследования». Пусть для этого нет юридических, но вполне возможны культурные, нравственные регламенты.

11. Нашу постановку вопроса о сбережении памяти можно было бы иллюстрировать множеством примеров, имея в виду прежде всего деятелей науки и культуры. Архивы некоторых из них (включая дневниковое, эпистолярное наследие), в силу разных исторических и личных обстоятельств, порой бывали безвозвратно утеряны. Но немало и счастливых примеров, когда личный архив (а не только опубликованные мемуары!) сохранился и сберегается в полном объеме и порядке.

Последнее чаще имеет место, когда сам человек, хоть как-то, позаботился (имел возможность позаботиться) об этом, а его родственники, друзья, ученики, реже — государство, в свою очередь, приложили к тому старания. Здесь стоит заметить, что иногда усилия частных лиц по сохранению конкретных личных архивов оказывается поистине героическими.

Подчеркнем однако, еще раз, что сбережения заслуживает память о *любом* человеке, а не только об «исторических личностях»! И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком *жизнеописание* (или — зафиксированный техническими средствами биографический рассказ, или хотя бы конспективная запись, вручную, с его слов). Хорошо, если кроме «живой памяти» при этом использовались также и иные источники.

12. Для того, чтобы сами по себе АП и СХ стали *нормой* нашего культурного обихода, нужна работа по научению и пропаганде «биографической деятельности». Ныне в популярной литературе наблюдается бум «учебников жизни»: как строить отношения в семье, на работе и т.д., как «достичь успеха» в жизни, и т.п. Но отсутствует практика наставлений, как сделать память о себе (и других людях) культурным достоянием (не обязательно — всеобщим, пусть ограниченными рамками семьи в нескольких поколениях; чтобы осталось от человека не только посаженное дерево или надпись на могильной плите).

13. Обратимся к вопросу об *эффектах* автобиографического повествования (семейной хроники).

Одна группа эффектов уже была обозначена выше, назовем их *культурными*: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде), прежде всего — в семье, как той клеточке общественного организма, где эта память в принципе имеет наибольший шанс сохраниться (а биографический или хроникальный документ стать семейной реликвией, наряду с обычно сберегаемыми, но редко датируемыми фотографиями).

Другая группа эффектов — *воспитательные*. «Истории жизни» и «биографии семей» — не дидактический материал. Но «доподлинное», воплощенное в них знание о жизненных путях старших (включая тех, кого младшие «не застали») несет в себе мощный воспитательный заряд. И это «педагогическое» воздействие может оказаться куда более эффективным, чем навязчивые попытки со стороны старших научить молодых — «как жить» (от которых те зачастую — и порой справедливо! — отмахиваются).

И третья группа. Это — такие эффекты АП (СХ), которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты *ауторефлексивные*. Всякий человек рано или поздно (и не однажды на протяжении жизненного пути!) задумывается о собственной жизни. Один — с горечью или тревогой, другой — с «сознанием исполненного долга», третий — для того, чтобы «себя понять» или решить «как жить дальше», четвертый — сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

14. О последней (третьей) группе эффектов — чуть подробнее. Жизненная ауторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а — систематической, универсальной и осознанной. И «история собственной жизни» есть повод, или основание, или стимул — для «размышления о жизни».

При этом у автобиографического нарратива часто возникает особый, *психотерапевтический* эффект. Ибо в итоге «воспоминаний о жизни», человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же «не зря жил» (или «не зря живет»); а если не все в жизни «удалось» («судается»), то, оказывается, он сделал (делает), «что мог» («что может»)… Сожаление же об утраченных возможностях, будучи «выговорено», меньше берedit душу.

(Конечно, возможна и обратная ситуация: «...и с отворачиванием читая жизнь мою...». Поэтому, при отсутствии живого собеседника, может быть, лучше ограничиться «сухим» изложением фактов).

Так или иначе, особенно в пожилом возрасте, особенно при побуждении со стороны — не к импульсивному (и обычно стирающемуся из памяти слушателей) воспоминанию, — автобиографическое повествование (семейная хроника), тем более при уверенности в том, что оно будет востребовано, может стать смысложизненным занятием, поддерживающим жизненные силы и даже «целительным» лучше иных лекарств.

15. Как видно, наша постановка вопроса выводит субъекта биографического нарратива или семейной хроники из положения объекта или — «всего лишь»! — источника информации, для культурно-исторических, социологических и т.д. штудий. Последняя цель, конечно, существенна. Но не следует забывать о *самоценности* АП (СХ), как одного из способов самовыражения, самопознания и самоутверждения личности.

16. Итак, не для того лишь нужны «истории жизни» и «биографии семей», чтобы их потом анализировать и обобщать («реконструировать эпоху», познавать ее «в человеческом измерении» и т. п.). Жизнеописание (иногда вырастающее в «размышление о жизни») есть шанс для всякого человека продлить «себя» (или «себя и других» — для случая СХ) — если не в веках, то в десятилетиях — в памяти индивидуальной, семейной, коллективной. Это — простейшая, самая доступная (доступная практически каждому, хотя иным людям — нужна помощь, причем не обязательно профессиональная) форма кристаллизации жизненного опыта и жизненного самоотчета (имея в виду АП).

17. Естествоиспытатель и краевед С. Н. Поршняков (1889-1982), именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи (Новгородская обл.), формулировал в своем «духовном завещании», писанном в 1942 г., такую заповедь: «Умение *итожить опыт своей жизни* — по периодам и этапам (говоря языком исследователей — умение «*камеральничать*»)»...⁸

Если жизнь человека сравнить с исследованием (каковым она в ряде отношений и является), то автобиографическое повествование может рассматриваться как способ подведения «промежуточных» или «предварительных» жизненных итогов. А это необходимо и самому человеку, и тем, кто «придет на смену». И ценность таких повествований не уменьшается, а прирастает с ходом времени.

18. В заключение, повторим однажды сказанное: «человек — это прежде всего его собственная жизнь...». А *история жизни* (автобиографическое повествование, семейная хроника) есть не просто ее (жизни) конспективное отображение, но и особый способ отложенной во времени коммуникации поколений и духовного преодоления природных границ индивидуального человеческого бытия.

8 С. Н. Поршняков. Завещание (то, чего желаю в жизни вам — из достигнутого и недостигнутого мною за 55 лет моей жизни). 1942. (Рукопись; хранится в архиве Ю. А. Щеголева).

* * *

Автор этих строк убежден, что письменная «эстафета памяти» («память до востребования») нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности.

(Ноябрь 2000 — февраль 2001)

(4)

Что такое и зачем нужны «протоколы жизни»⁹

*«Verba volant, scripta manent»
(Слова улетают, написанное остается — лат.)*

«Рассказы о жизни» ныне стали широко распространенным методом в социальных и исторических исследованиях. Биографические нарративы порождаются либо в устной беседе (фокусированное или неструктурированное интервью), либо пишутся самим субъектом жизни по заказу исследователя. Все более частым становится научное использование также и инициативно написанных мемуаров.

Все это документы биографии и истории — ценнейшие. Однако они являют собой всегда опосредованную позднейшим жизненным опытом субъекта жизни (не говоря уж об естественных ошибках памяти, равно как и о нечаянных и намеренных акцентировках и умолчаниях) вторичную реконструкцию, *ретроспективу* жизненного пути. Далее: это документы времени, но какого? Ясно, что больше нынешнего, чем минувшего. Это — современные свидетельства о прошлом.

Разумеется, исследователь пытается идентифицировать и сепарировать соответствующие психологические и культурные напластования, как бы расшифровывает (декодирует) «человеческий документ» — с учетом его «многослойности» и в соответствии со своими собственными задачами. Иногда социологам и культурологам это удается.

Иначе обстоит дело с «первозданными» личностными документами, каковыми являются, в частности, *дневники* и *письма*. Разумеется, и в них аккумулирован жизненный опыт автора, но только предшествующий, и существенно влияние «господствующих мыслей» эпохи, но только тогдашней. Поэтому при работе с документами такого рода исследователю приходится учитывать (делать поправку на...) только их «непосредственную» (а не «приумноженную» или многоступенчатую) субъективность и культурно-историческую обусловленность.

Цель настоящей работы — рассмотреть одну из специфических форм дневника, как имеющую историко-культурное значение и ценность, с одной стороны, и как некую нестандартную социологическую практику — с другой. Но сначала — несколько общих теоретических соображений.

I

В универсуме человеческого общения можно выделить три типа коммуникации, имеющей своим источником конкретное *лицо*, при различии адресатов. Один тип:

межличностная коммуникация. Назовем ее *коммуникацией другому лицу*. Другой тип: коммуникация, обращенная сразу к некоторому множеству лиц (четко очерченной или неопределенной аудитории). Назовем ее *коммуникацией для других*. И, наконец, третий тип: коммуникация, адресованная самому себе. Назовем ее *аутокоммуникацией* (или «коммуникацией самому себе»).

Эта модель конкретизируется нами для письменной коммуникации, которая, в зависимости от адреса, может быть представлена тремя «эталонными» (классическими) типами текстов. Эти типы текстов обозначаются нами, условно: *письмо* (коммуникация другому лицу), *статья* (коммуникация для других) и *дневник* (коммуникация самому себе, или аутокоммуникация).¹⁰

Концептуальная схема, в которой «письмо», «статья» и «дневник» рассматриваются как соотносительные формы коммуникации (как мы полагаем — системная триада, в смысле Р. Г. Баранцева¹¹) понятно, является типологической идеализацией и не исчерпывает собой всего богатства конкретных видов и форм письменной коммуникации личности. Возможны (и в реальной коммуникативной практике, пожалуй, даже преобладают!) различные сращения и взаимопереплетения типов, «типы-кентавры» или симбиозы, возможен, наконец, синтез всех трех.

Обратимся к специфике *дневника* в этой триаде. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в «жизнь историческую». Во многом в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает (независимо от намерений автора) смысл «послания» (другому лицу) или «свидетельства» (для других) — как биографии, так и истории. Но об этом чуть позже.

Каковы «собственные» черты дневника как коммуникации самому себе? В отличие, скажем, от «письма» (которое, как правило, предполагает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от «статьи» (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник чаще всего сугубо личностен.

Формы дневника (как, впрочем, и письма, и статьи) чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Личный дневник может быть насыщен фактами, переживаниями, размышлениями, может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или ход мысли («поток сознания»). Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога *с самим собой*.¹²

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или публицистический) жанр и изначально имеет место ярко выраженная «коммуникация для других» (например: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского).

9 Сокращенный текст доклада на первых Чтениях памяти В. В. Иофе (Санкт-Петербург, апрель 2003). Впервые было опубликовано (без сокращений) в: Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе. 18-19 апреля 2003. СПб.: НИЦ «Мемориал», ЦНСИ, ЕУ СПб, 2004. См. также в: Время/бремя артефактов (социальная аналитика неоправимости). СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2004. Включено в состав книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. СПб.: Норма, 2005, с. 51-58.

10 См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации / XII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. См. также раздел (3) настоящей работы..

11 См.: Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Ежегодник. 1988. М., 1988, и др. работы этого автора. Выделенный Р. Баранцевым архетип системной триады: эмоция — рация — интуиция. Чему в данном случае соответствуют: письмо — статья — дневник.

12 См. Пигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998.

Попытаемся все же как-то «упорядочить» чрезвычайно разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) «**дневник души**» (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) «**дневник духа**» (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и «лабораторией» творчества; часто — это «сырье» для будущих произведений);

в) «**дневник факта**» (где главный упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с «идеальными типами». В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник «тяготеет» к тому или иному типу.

Здесь сосредоточимся на случае *дневника факта*, а точнее — на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, «для памяти»: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — расписание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни «на стыках» с жизнью общественной, в тех точках, где та и другая «пересекаются». То есть целевая установка на фактографию в контексте данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и *не только для себя* (вариант совмещения коммуникации самому себе и другому или для других). Здесь хочется вспомнить известное замечание А. С. Пушкина, засвидетельствованное А. Н. Вульф: «Непрерывно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться».¹³ В этой спонтанной формуле выражена суть предмета нашего обсуждения.

Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть **протоколом жизни**.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения «от противного»: укажем сначала на то, чем «протокол жизни» заведомо *не* является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, «мониторинговой» задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической «летописью современности»). «Протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем.

В таком случае этот «протокол» приобретает характер *жизненного свидетельства*, тем, прежде всего, и ценно, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

2. Вместе с тем, «протокол жизни» — это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие «происшествия»,

которые, по мнению автора, представляют интерес и *для других*, — «чтобы могли на нас ссылаться» (если кому-либо когда-либо зачем-либо это понадобится).

В таком случае, это документ также и — изначально! — *общественный*. (Вообще говоря, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим», как отмечал Гете).

3. И, наконец, «протокол жизни» (как явствует из самого термина) — это вовсе не «мемуары», не «ретроспекция», не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется *в ходе события* или составляется по его «горячим следам».

Это — *первичный*, а не вторичный документ личности и времени, «не замутненный» последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не «от противного»).

4. «Протокол жизни» — это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая *жизненная хроника*. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие «реперные» события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно *действует*; или же его персона отходит в «протоколе» на второй план — если он является только *наблюдателем*, свидетелем.

6. Наконец, «протокол жизни» есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а «в точке пересечения биографии и истории» (выражение Ч. Р. Миллса).¹⁴

Подведем предварительные итоги.

«Протокол жизни» — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — «мировую драму»). В нем находит преимущественное отражение то, что случилось с человеком «в точке пересечения биографии и истории». «Протокол жизни» сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других, т. е. оказывается *многоадресным* посланием.

II

Первая попытка постановки вопроса о *протоколах жизни* как особой форме коммуникативного (а в рассматриваемом ниже случае — еще и исследовательского) опыта, предпринята автором этих строк на рубеже 70–80-х гг., когда им был задуман натурный эксперимент (одновременно — профессиональный и жизненный). Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод в качестве рабочего (1980). На протяжении ряда лет велось исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

В отличие от традиционного в эмпирической социологии метода включенного наблюдения, был разработан и опробован метод *наблюдающего участия*, предполагающий «исследование социальной среды через целенап-

¹³ См. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1974. Том 1, с. 416.

¹⁴ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

равленную социальную активность субъекта, делающего свое собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования».¹⁵

Естественно, понадобился поиск или выбор адекватных способов фиксации как «фоновых» наблюдений, так и собственных действий в конкретной социальной ситуации и их (этих действий) последствий на экспериментальном поле. Поскольку жизнь и исследование здесь практически совмещены («исследование жизнью» или «сама жизнь как исследование»), автор определил свой полевой дневник как *протоколы жизни*.

Автоцитата из дневника того времени.¹⁶

«Три цвета «протокола жизни»

2.01.80. Жанр этих записей — не исповедь, не проповедь, не эссе, даже не дневник, но — *протокол*. Протоколы жизни...

Записи дифференцированы. Написанное *красным* карандашом будет иметь более или менее прямое отношение к специфической ситуации «включенного наблюдения», в которую поместил себя протоколист, сменив работу в институте на работу на заводе. Написанное *синим* карандашом будет касаться всего остального, заслуживающего сохранения в качестве фактов и соображений, имеющих не сугубо личный интерес. Это — тоже своего рода протокол включенного наблюдения, но с «расширенным полем», каковым является вся область соприкосновений субъекта с действительностью. Наконец, написанное *зеленым* (или простым) карандашом будет относиться к обстоятельствам жизни и переживаниям, являющимся сугубо личными...

Что касается синих и красных страниц, то они имеют смысл *жизненных свидетельств*. Критерием для их отбора является пока затруднительная для обоснования уверенность автора во все возрастающей культурно-исторической ценности свидетельств индивидуального жизненного опыта.

Вполне вероятно, что сам по себе протокол жизни окажется самоорганизующейся системой, создающей свои правила и подчиняющей себя ею же самой выработанным правилам. За исключением гениев, многое из того, что человек оставляет после себя, чуть лучше или чуть хуже, чуть раньше или чуть позже, оказывается сделано и другими людьми. Только протокол собственной жизни уникален как сама жизнь. <...>¹⁷

Здесь надо сказать, что социологу-экспериментатору вскоре стало тесно в рамках даже такого свободного, лишь чуть структурированного протокола. Еще не успевший устояться жанр «полевого» дневника довольно быстро сменился «письмами-дневниками-отчетами» друзьям (коллегам), насыщенными не только социальными фактами, но и субъективным отношением к ним, включая личные переживания и размышления.¹⁸

...Но вот в середине 80-х гг. довольно очевидное «инакодействие» актора в сочетании с не столь очевидным инакомыслием (в его «Письмах...») дало повод для вмешательства государственной организации, призванной пресекать и то, и другое. На предъявленные ему политические обвинения социолог-испытатель, пережив кратковременный шок растерянности, ответил «необходимой самообороной». Тогда-то жанр «протоколов жизни», как бы поневоле, и кристаллизовался.

15 Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997, с. 16.

16 Цитирование позволит сэкономить на «ученых» рассуждениях и, кстати, пояснить соотношение протокола жизни и иных видов дневника, как автор себе это соотношение представляет.

17 А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 89.

18 См. А. Н. Алексеев. Указ. соч., главы 2 и 3.

При продолжении эксперимента (теперь уже не только в производственной сфере) понадобилось отслеживать множество встреч, бесед с должностными лицами (сотрудниками правоохранительных органов, партийными функционерами, работниками общественных организаций), фиксировать всевозможные санкции социальных институтов по отношению к испытуемому и его реакции на эти санкции (и наоборот — собственные инициативные «акции» и институциональные реакции на них). Причем важно было обеспечить, чтобы эти записи, если и попадут (в результате очередного досмотра или обыска) в руки к «оппонентам», — не вызвали новых нареканий.

Выход один — строгий *протоколизм*: кто что сказал, сделал, когда, при каких обстоятельствах, кто присутствовал, и т. п. Никаких оценок, минимум комментариев, «голые» факты (впрочем, «красноречивые»). Авторское отношение к «событиям» — только в подтексте (или контексте). <...>¹⁹

* * *

К сожалению, дневниковая активность современного человека (хоть в экстремальных, хоть в рутинных ситуациях) куда слабее активности мемуарной. Соответственно, и использование *первичных* личностно-общественных документов, актуальных свидетельств действующего лица или очевидца события (будь то историческое событие, будь то «частный» жизненный эпизод), в современной гуманитарно-научной практике заметно уступает использованию документов *вторичных*: воспоминаний, «рассказов о жизни», биографических интервью и т. п.

Как уже отмечалось, в любых мемуарах неизбежны и естественные aberrации памяти, и авторская реинтерпретация, и мощная «иррадиация» социального сознания, социокультурных стереотипов уже *нынешней*, а не минувшей эпохи. В отличие от дневника, «воспоминания» несут на себе «двойную нагрузку» субъективности и так или иначе мифологичны.

Было бы, конечно, наивно ожидать, что кто-либо станет *на протяжении всей жизни* вот так «сканировать», скажем, свое взаимодействие с социальными институтами (хоть в утилитарных целях, хоть в исследовательских, хоть следуя некоему культурно-нравственному императиву). Однако бывают и максималистские примеры ответственности человека перед собой и перед временем. И те «протоколы жизни», которые уцелеют, впоследствии станут ценным культурно-историческим свидетельством (безотносительно к «важности» эпизода или «масштабу» личности автора).

Можно предположить, что бурно развивающаяся ныне «всемирная сеть» (в которой, кстати, часто происходит совмещение диалога с самим собой, другим и другими) будет способствовать выработке *массовой* культурной привычки «описывать современные происшествя, чтобы могли на нас ссылаться». Но наверняка это наступит не так уж скоро.

(Апрель 2003)

(5)

Многообразие писем и полифункциональность письма²⁰

Название этого доклада навеяно воспоминанием о давней работе В. Голофаства — «Многообразие биографичес-

19 Здесь опущены приводившиеся в полном тексте доклада примеры «протоколов жизни» («записей для памяти»), принадлежащих как автору этих строк, так и другим лицам. См., в частности, А. Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 2. СПб: Норма, 2005, с. 105-111, 120-123, 137-142, 143-156, 200-207, 254-261, 262-277, 278-286 и др.

20 Текст доклада на Чтениях памяти В. Б. Голофаства (г. Санкт-Петербург, март 2007)

ких повествований»²¹. В сущности, всякий подступ к предмету исследования начинается с выделения его из всего многообразия реалий мира и с констатации разнообразия его (этого предмета) собственных форм.

Наш предмет здесь — **письмо** (будем говорить также — *послание*), под которым будем понимать определенную форму человеческой коммуникации, к специфике которой (формы) относятся:

а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);

б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории — то с прямым обращением (апелляцией...) к целевой аудитории;

в) вытекающая из (а) необходимость фиксации сообщения на некотором материальном носителе, который может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия в его рамках. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Послание — от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду, или от группы к группе? А материальный носитель — вещественный, волновой, магнитный?

Чтобы не утонуть в этом море многообразия, введем некоторые ограничения. Будем говорить о письме в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: «*Написанный текст, посылаемый для сообщения кому-н. чего-н.*»²² Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс — это лишь «технические подробности». И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся. Сосредоточимся на письме как форме приватной либо общественной связи между людьми.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо «от одного к другому» в предложенной нами ранее модели предстает одной из трех форм коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо, при различии адресатов. Этими формами являются: **коммуникация самому себе**, **коммуникация другому лицу** и **коммуникация для других**.²³

Такое письмо может быть посвящено сугубо личным, даже интимным сюжетам, или иметь деловой характер, или трактовать общезначимые вопросы, но в любом случае оно *моноадресно* (в теории информации такая коммуникация называется *аксиальной*). Письмо конкретному лицу не рассчитано на «постороннее» восприятие, за исключением случаев *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись), а по существу — *институциональный* источник. То есть из простейшего случая послания «от одного к другому» официальное письмо выпадает.

В свете сказанного, элементарным видом письма является письмо по существу *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность — антитеза *публичности*, когда отправителем является тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (в теории информации — *ретивальная* коммуникация).

Возможно ли приватное многоадресное письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная комбинация — публичное моноадресное письмо? Такое вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма), но тогда письмо оказывается моноадресным лишь по форме (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано «граду и миру».

Лишний раз оговорим, что в этих различиях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения. Среди таковых мы в дальнейшем будем различать *субъекта-отправителя* (он же — *источник* сообщения) и *субъекта-получателя* (он же — *адресат*) письма.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть и соотнести оппозиции «приватности-публичности» и «моно-» и «многоадресности» мы начали выходить за рамки «коммуникации другому», и обсуждать также «коммуникацию для других». В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден.

Вариациями здесь являются «равноправие» и «неравноправие» адресатов: В первом случае письмо адресовано в равной мере множеству людей; во втором — оно имеет «главного адресата», а остальные как бы получают его (письма) *котих*. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является *массовая коммуникация*, где имеет место адресованность анонимным аудиториям.

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является *аудитория* (уместно также говорить о *целевой аудитории*). Тут мы, по нашему опыту исследования массовой коммуникации, а также зрелищных искусств, равно как и специализированной коммуникации (разновидностью которой является коммуникация *научная*), будем различать аудитории *потенциальную* и *реальную*. Первая — объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено; вторая — включает только тех, кого оно реально достигло.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т. д. относится к коммуникации вообще, но оно, понятно, справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма (послания), как ее частного случая.

Далее, попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма, или источник сообщения, индивидуализирован. Вариантом жанра «письма» (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются *институциональные* документы, имеющие характер послания. Тут и «обращение к народу», и дипломатическая нота, и даже рекламный ролик... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место *прямое обращение* к потенциальному получателю сообщения (будь то «товарищи», «господа» или «уважаемый господин Президент»).

Понятно, что официальное письмо, институциональный документ может иметь и очень ограниченный круг адресатов, т. е. быть *закрытым* (в отличие от «открытых писем» и вообще публичных текстов). Документы «для служебного пользования», скажем, содержащие коммерческую или государственную тайну, — это тоже «письма». Господствующим социальным институтам, различные ведомства и т. д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках Закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность *не прозрачной*.

21 Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований / На перепутьях истории и культуры. Труды СПбФ ИС РАН. СПб.: 1995.

22 Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994, с. 509.

23 См. раздел (2) настоящей работы.

С другой стороны, приватное письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных Законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению.

Последними замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию писем, как таковых, а к социальным условиям «бытования» письма, что есть отдельная тема.

Наконец, последняя из указанных выше форм коммуникации, имеющей персональный источник: коммуникация самому себе. В наших прежних работах классическим случаем такого «общения» представлен *дневник*.²⁴ Но что такое, в сущности, дневник как не своего рода *письмо самому себе*? Дневник выступает таковым если не субъективно (человек может полагать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно.

Укажем еще на различие писем по основанию: *монологичность* — *диалогичность*. Вообще говоря, письмо *par excellence* это *разговор*, оно не монологично, а диалогично. Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель «ждет» этого ответа, рассчитывает на обратную связь («переписка»). Но это предположение ответной (или «встречной») коммуникации может быть подкреплено либо нет содержанием конкретного письма, может быть эксплицировано в тексте либо только подразумеваться. Тогда письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в институционализированной, публичной коммуникации, где достаточно отчетлива разница между письмом-*обращением* (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность).

(Заметим в скобках, что в российской институциональной практике, идущей еще от советских времен, «заявлением» называется в сущности «челобитная»: «*Прошу* принять меня на работу...», «*прошу* решить мой вопрос...», — пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть «заявление»...).

Итак, «монологичное» письмо — это письмо, не претендующее, не рассчитанное на ответ, или же — не дающее для ответа повода либо основания. В отличие от «диалогичного» письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей отправителя и получателя.

Как видно, многообразие писем, их классов и разновидностей, вообще, является исключительно высоким. В рамках настоящего доклада мы вовсе не претендуем на полную систематизацию, а лишь пытаемся обозначить возможные способы письменного общения, основания для классификации и т. п.

Напомним, что нами введены следующие различия: моноадресность — многоадресность, приватность — публичность, личностность — институциональность, поименованность — анонимность (адресата), монологичность — диалогичность. Некоторые из этих понятий пересекаются, и порой на пересечениях обнаруживаются специфические типы.

Обратимся теперь к вопросу о *полифункциональности* письма.

Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополнительных момента: *сообщение*, *отображение* и *выражение* (или *изъявление*; ср. у Довлатова: литература — изъявление внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (актеров, коммуникантов), уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации («контента», содержания).

24 См. раздел (3) настоящей работы.

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее — некоторые фрагменты ее. Кем-то сообщается кому-то информация о *чем-то* из реальный мира.

И, наконец, в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъявлено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

(Не следует забывать, что коммуникация — двусторонний процесс, в котором участвуют, как минимум, два субъекта. Субъективно не только обращение к другому или другим, но, в равной мере, и восприятие сообщения его адресатом. Это восприятие может быть как адекватным, так и не адекватным ожиданиям адресующей стороны).

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма, заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться также как *функции*. При том, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу), отличается от письма, выступающего формой выражения или самовыражения (по преимуществу). Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу).

В принципе возможно и «равноправие» указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъявление, как функции письма, могут быть сопоставлены с выдвигавшейся нами ранее, как мы считаем, *системной* (в смысле Р. Баранцева) триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение*, *познание* и *творчество*.²⁵

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально «о себе» мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме, как *акте общения*, как *документе времени* и как *автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию возможного богатства размежеваний и соединений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личностности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности, для социальной и психологической характеристики их авторов. И т. д., и т. п.

Может быть, самые яркие примеры переплетения указанных выше функций и форм письма, предъявляет современная «мировая сеть» (интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема вполне приложимы и к анализу таких новейших форм человеческой коммуникации (глобального общения), как «форумы», «блоги», «живой журнал», не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т. д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей общетеоретической темы.

25 См. А. Н. Алексеев. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия*. Том 1. СПб: Норма, 2003, с. 507-510.

В заключение, подчеркнем целесообразность и перспективность специализированного исследования *письма*, для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества, от глубокой древности до наших дней.

(Март 2007)

(6) Эстафета памяти-2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований²⁶

1. В нашей работе «Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования»²⁷ «истории жизни» (life stories, recits de vie) рассматривались не в качестве специального исследовательского метода, а как социальный феномен и форма межпоколенной коммуникации, и еще — как нравственный императив человека, обязанного передать детям хотя бы минимум информации даже не столько о себе, сколько о своих родителях (семейная хроника)

К ресурсам автобиографического повествования (АП) мы относили *архив*, «живую память» и «память других». Нормы АП резюмировались в трех «постулатах»: постулат фиксации семейных корней, постулат внятности биографического текста и постулат ценности «истории жизни». Что касается эффектов АП, то выделялись эффекты культурные, воспитательные и ауторефлексивные.

2. В нашей нынешней постановке вопроса о мотивах автобиографических повествований будем различать мотивы **коммуникативные**, **самоутверждения** и **творческие**. В первом случае человек хочет «всего лишь» сообщить потомкам некоторую информацию о себе и то, что ему известно о предках. Это эстафета памяти, так сказать, «в чистом виде». Далее, мотивы самоутверждения — это когда человек так или иначе заявляет посредством АП о своей социальной значимости (порой это используется как дополнительное средство достижения жизненного успеха). Третий случай — творческая самореализация *par excellence*. Какой-то из мотивов всегда приоритетен, но обычно дополняется элементами двух других.

3. *Формы* АП не изоморфны мотивам, хотя до известной степени обусловлены ими. «История жизни» может быть событийной, хроникальной по преимуществу (назовем это *автобиографическим очерком*), может быть эмоционально насыщенной (своего рода *биографическая лирика*), наконец, это может быть такой мемуар, в котором жизнь «главного героя» (субъекта биографии) предстает на фоне картин жизни других людей и — шире — общественной жизни. Этаким *биографический эпос*...

4. Однако к этому не сводится дифференциация форм АП. Уместно различать автобиографическое повествование как таковое, где формообразующим элементом выступают *воспоминания*, индивидуальная память, воплощенная в текст. В качестве формообразующих элементов могут выступать также *документы* (словесные или изобразительные, например, фотографии из семейного альбома) и даже *предметы* (например, фамильные ценности) или «памятные места», дающие повод для автобиографического комментария («Мне все здесь на память приводит былое...»).

5. Что касается *роли* автобиографических повествований, то они как и всякая человеческая коммуникация предстают: (а) **актом общения** (межпоколенного, но и не только...), (б) **способом отображения** жизненной траектории и биографического контекста и (в) своего рода автопрезентацией — самовыражением, или **изъявлением себя**. То есть роль эта как минимум тройкая. Здесь заслуживает специальной разработки проблема специфики «историй жизни» в каждой из названных ипостасей.

6. Все изложенные общие соображения и предложенные классификации в докладе подкрепляются примерами или иллюстрациями.

В заключение, отметим, что «эстафета памяти», какой может стать всякое автобиографическое повествование, есть социокультурный феномен фундаментального значения. Как замечал Д. С. Лихачев, «одна из величайших основ, на которых держится культура, — память».

(Апрель 2007)

* * *

Настоящий цикл тезисов направлен на выработку теоретико-методологических ориентиров для исследований «в точке пересечения биографии и истории» и на разработку подходов к решению общекультурных задач межпоколенной «эстафеты памяти».

Июнь 2007

26 Тезисы доклада на пятых Чтениях памяти В. В. Иофе (г. Санкт-Петербург, апрель 2007).

27 См. раздел (2) настоящих заметок.